

“А НА ЧЕРДАКЕ ПУШЕЧКА ЧЮГУННАЯ...”

Как защищались от разбойников в XVIII веке

© 2008

А.В. Шипилов

В разнообразных исторических источниках, относящихся к XVIII веку, особенно к первой его половине, часто упоминаются разбойники. У современного читателя это слово ассоциируется с какими-то полу-сказочными персонажами, делящими один хронотоп с Бабой-Ягой и Змеем-Горынычем, однако в ту эпоху разбойники были не сказочными существами, а самыми что ни на есть реальными — даже слишком реальными — людьми. Разбойник был столь же будничным, как поп или дворянин. В это время слом старых и образование новых социальных групп, вызванные петровскими преобразованиями, сопровождались массовым выбросом в социальное пространство деклассированных элементов — отходов социальной эволюции. Естественно, последние, оказавшись за пределами как разрушающейся старой, так и создающейся новой социальной структуры, были антагонистами их обеих, антагонистами общества вообще.

При этом разбойники не были обычными бандитами, нападающими на прохожих в темном углу: это были организованные отряды численностью в несколько десятков и даже сотен человек, которые действовали среди бела дня и в масштабах обычного уезда представляли собой внушительную боевую силу. Разбойники были вооружены не только кистенями, но и пушками, и нападали не только на прохожих и проезжих, но на целые села и даже небольшие города, разоряя и сжигая их. И.Т. Посошков свидетельствует: *“Разбойников у нас на Руси паче иных государств множество, ибо не токмо по десяти или двадцати человек, но бывает по сту и по двести человек в артеле и больши”*; *“всегда их множество и, кроме поморских и заонежских стран, во всех сторонах многие разбой чинят, многие деревни и села великия розбивают и людей до смерти запытывают”*¹. Причем это происходило при Елизавете Петровне точно так же, как и при Петре I² — многократно реформированные последним органы местного управления в последующие десятилетия только сокращались и деградировали, так что за пределами двух столиц простиралось настоящее дикое поле.

М.В. Ломоносов писал, что *“на разбойников хотя посылаются сыщики, однако чрез то вывести сие зло или хотя знатно убавить нет почти никакой надежды”*. Необходимо лишить разбойников связи с городами и селами, изолировать их, — указывал он, вследствие чего можно будет и истребить разбой: *“Разбойники без пристанища в горо-*

**О ВРЕМЕНАХ,
О НРАВАХ**

**Шипилов
Андрей
Васильевич** —
доктор культурологи,
доцент кафедры
философии Воро-
нежского государст-
венного педагогичес-
кого университета.
Постоянный автор
журнала.

¹ Посошков И.Т.
Книга о скудости
и богатстве. М.,
1937. С. 104, 228.

² Соловьев С.М. Со-
чинения. В 18 кн.
Кн. X. Т. 19–20. М.,
1993. С. 141; Там
же. Кн. XII. Т. 23–24.
М., 1964. С. 383;
Гольцев В.А. Законо-
дательство и нравы
в России XVIII века.
СПб., 1896. С. 35–36.

Е. Лансере.
Иллюстрация
к книге
А.С. Пушкина
"Дубровский"

дах и около деревень пробыть и злодейством своим долго пользоваться не могут. При деревнях держатся, а в городах обыкновенно часто бьются для продажи награбленных пожитков. И так, когда им сии места сделаны будут узки и тесны, то не могут долго утаиться, не найдется далеко посылать команды и делать кровопролитные сражения со многими, когда можно иметь случай перебраться по одиночке и ловить их часто". Ломоносов советовал восстановить старые укрепления городов или выкопать новые рвы, насыпать валы и сделать ворота, к которым приставить караулы из мешан, ввести регистрацию приезжих, назначить награду за каждого пойманного разбойника и т.п.³ Иными словами, речь по-прежнему шла не столько об уничтожении разбойников как социального (точнее, антисоциального) явления, сколько о защите от них.

Все дворянство находилось в это время на службе в столицах, городах и гарнизонах, военные части также были расквартированы по городам, полиция отсутствовала. У уездного воеводы зачастую сил было меньше, чем у разбойничьего атамана, так что местные власти не столько боролись с разбойниками, сколько оборонялись от них, тем более, что сами разбойники, среди которых были не только беглые крестьяне (в конце двадцатых годов XVIII в. бегах числилось до 200 тыс. человек⁴), но и рекруты и, особенно, беглые солдаты, знали некоторые основы военного дела. Именно так: не разбойники защищались от воевод, а воеводы от разбойников — так, голландский путешественник Корнелиус де Бруин, побывавший в России в первые годы XVIII в., рассказывает как о вполне будничном случае о том, как на струг какого-то "губернатора" (воеводы?) у Макарьевской ярмарки напали волжские речные разбойники и тот насилу отбился⁵. Сама Москва и ее окрестности кишели разбойничьими шайками. Перед воинскими командами ставилась задача очистить от разбойников хотя бы главные дороги, ведущие к столице, на протяжении нескольких десятков верст от города. На большее у тогдашней государственной машины

просто не хватало сил: полицейский аппарат как таковой отсутствовал вплоть до 20–30-х годов XVIII в., но и позже полиция действовала лишь в крупнейших городах центра страны. Земская полиция, т.е. "народные дружины" — назначаемые в службы полицейского характера посадские, купцы, священники и пр. — была по понятным причинам неэффективной, и защищаться от разбойников приходилось своими силами.

Поэтому у каждого более-менее состоятельного человека имелся целый арсенал холодного и огнестрельного оружия, без которого в продолжительную поездку никто не отправлялся. В записках того же Корнелиуса де Бруина постоянно мелькают эпизоды подобного рода — то он рассказывает, что купеческий караван, с которым он плыл по Волге, имел на вооружении сорок ружей и пистолетов, то о том, как он сам выскакивал из саней с двумя пистолетами и шпагой в руке, чтобы выяснить отношения с местными крестьянами⁶. Но и дома было не намного безопаснее — помещикам в усадьбах то и дело приходилось отбиваться от разбойников, поэтому при строительстве учитывали не столько эстетические, сколько оборонительные требования. Так, имение Раненбург А.Д. Меншикова представляло собой форменную крепость — с валом, крепостными воротами, бастиями, на которых стояли пушки. Это была действительно крепость, выстроенная по всем правилам тогдашней фортификации — равноудаленный пятиугольник с пятью бастиями и рavelинами, со звездчатым гласисом из земляных рвов⁷: при строительстве были использованы особенности ландшафта: имение с одной стороны прикрывалось горой, с другой — болотом. Создается впечатление, что хозяин готовился выдержать длительную осаду, хотя в этот край, между Козловом и Рязском, никакой внешний враг тогда не заглядывал.

Люди не столь влиятельные и состоятельные, конечно, строить таких цитаделей не могли, но для защиты своей усадьбы часто держали целые арсеналы. В конфискационных описях помещичьих имений петровского времени то и дело встречаются упоминания не только холодного и стрелкового оружия, но и артиллерии: так, у жильца И.А. Трубицына в горнице его дома в деревне Коротеевой (Севский уезд, 1724 г.) лежала "пара пистолетов"; среди "пожитков" Ф.В. Кабанова на его дворе в с. Стогинском (Ростовский уезд, 1707 г.) имелись "2 сабли" и "2 пары пистолетов"; у прокурора И.В. Отяева на дворе в с. Давыдовском (Юрьево-Польский уезд, 1723 г.) в житнице лежали "пара пистолетов с ольстры, 2 сабли ветхих, шпага"; у капитана Ф.М. Безобразова на скотном дворе в д. Нагоги (Смоленская губерния, 1724 г.) хранилась "фузья", у князя М.П. Гагарина на скотном дворе в его селе Большой Клин (Тульский уезд, 1721 г.) лежали "фузья, шпага", в с. Благовещенском (Шацкий уезд, 1721 г.) хранилась "фузья без замка", а в амбаре имения в с. Сенницы (Зарайский уезд, 1721 г.) — "2 фузеи"; у комиссара С.Е. Пашкова в селце Семибратском (Коломенский уезд, 1723 г.) на чердаке усадьбы среди подушек и перин встречаем не только "2 пистолета", но и "2 пушечки малых чюгунных", а в его же усадьбе в селе Месном имелась и "фузья"; у дьяка А.Г. Ратманова на его дворе в с. Троицком (Московский уезд, 1723 г.) в житнице хранились не только овес и ячмень, но и "2 пушечки чюгунные"; у другого дьяка, И.Р. Лосева, в его доме в селце Селезневе (Русский уезд, 1723 г.) встречаем прямо "в сенях 3 пушки железные"; у обер-прокурора Г.Г. Скорнякова-Писарева в доме в селце Мишнево (Московский уезд, 1723 г.) тоже "в пе-

А. Шипилов
А на чердаке
пушечка
чюгунная...

⁶ Там же. С. 126, 147.

⁷ Архитектура русской усадьбы. М., 1998. С. 178.

редних сенах 5 пушечек чюгунных”, наконец, у князя Г.И. Волконского в селе Селезнево (Тульский уезд, 1715 г.) в доме лежали “тесак да полаш малые”, в с. Студенце (Елецкий уезд, 1715 г.) в “онбаре” среди разных вещей стояла “пушечка чюгунная”, но это было далеко не все — в том же году у князя было отписано его владение в с. Якшино (Московский уезд), где в “полате кладовой” среди прочего имелась “пушечка медная”, а на погребе в “сусеке” был не только горох, но и “14 пушек чюгунных, 2 красного железа, 16 станков пушечных, окованы железом, в том числе под четырьмя станками железные колесы”, — целый артиллерийский парк⁸.

Огнестрельное оружие и боеприпасы в то время продавались на рынке совершенно свободно: так, на Важской Благовещенской ярмарке в 1725 г. было продано почти две сотни ружей, на Макарьевской ярмарке в 1720 г. порох продавался сотнями пудов, и было продано даже 17 пушек (!), привезенных приказчиком Н. Демидова с его Невьянского завода, в Московском Гостином дворе в 1737 г. были куплены 42 пушки и мортиры⁹. Порох в течение всей первой четверти XVIII в. находился в свободной продаже, только в 1730 г. (и еще раз в 1740 г.) купцам было запрещено торговать порохом, а в 1734 и 1736 г. работавшим на казну частным производителям пороха — “пороховым уговорщикам” в указном порядке запретили сбывать его купцам. Купить порох отныне можно было в артиллерийском ведомстве, но не более 10 фунтов в одни руки (по цене 15—20 коп. за фунт); однако уже в 1757 г. он снова поступил в свободную продажу.

Однако все это было лишь самозащитой, и искоренить разбой путем помещичье-купеческого самовооружения было невозможно. В конце XVIII века разбойники за пределами городов встречались почти столь же часто, как и в начале века. Так, М.А. Дмитриев вспоминал о последних годах XVIII века: *“Например, это было дело очень обыкновенное, что с наступлением каждого лета, когда леса были уже одеты густою зеленью, появлялись разбойники... Дед мой всегда был наготове: каждый год, с наступлением весны, в деревенском его доме, на стенах залы и передней развешивались ружья, сумы с зарядами, сабли и дротики с кольцами и на крепких бечевках; а по обеим сторонам широкого переднего крыльца вколачивались сошки с перекладинами, и на них раскладывались копыя и рогатины”*. В один прекрасный день два десятка конных и вооруженных с ног до головы разбойников, действительно, появились близ имения: *“При первом известии о приближении разбойников ударили в набат; крестьяне, бывшие в поле, прискакали на господский двор; дворовые все вооружились. Дед мой надел на себя кортик... велел отворить ворота и ждал разбойников на крыльце”*¹⁰. На сей раз все обошлось благополучно, однако напомним, что эти почти что эпические сцены происходили 23 мая 1797 года: на пороге стоял уже XIX век, а в российской провинции по-прежнему для совершения былинных подвигов достаточно было лишь выйти на крыльцо. И только к середине XIX в. разбой как неотъемлемая часть истории повседневности был окончательно ликвидирован. После этого и стала возможной героизация фигуры разбойника как некоего вольнолюбивого борца с социальной несправедливостью, что стало довольно популярным в определенных кругах интеллигенции. Однако это была уже совсем другая история...

⁸ Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. М., 1951. С. 77, 93, 137, 138, 192—193, 200, 202, 276—277, 279, 303, 307, 330, 336, 351, 357.

⁹ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958. С. 136, 159, 228, 270.

¹⁰ Русские мемуары. Избранные страницы. XVIII век. М., 1988. С. 424.